ПЯТЫЙ БЕРЕГ

ИИ
Мария Снежина

Мария Снежина

Пятый берег

«Автор»
2026

Снежина М.

Пятый берег / М. Снежина — «Автор», 2026

Когда привычная жизнь — дом, работа, заботы — вдруг становится тесной, с чего начать перемены? Для Лиды ответ приносит туман: у берега возникает полоса суши, которой нет на карте и которая исчезает вместе с туманом. Пятый берег манит тайной, но требует не слепой веры, а выбора: что известно наверняка, где остановиться и на какой шаг решиться без гарантий.Исследуя странный берег, Лида учится отличать факты от тревожных догадок, менять маршрут, не теряя цели, и просить о помощи. Когда туман рассеивается, с ней остаётся опыт, который можно перенести в обычную жизнь.«Пятый берег» — история для тех, кто устал ждать идеального момента или чувствует, что привычный мир стал тесен. Роман о смелости без безрассудства, границах и внимании к себе — и о том, как найти следующий шаг, даже если полной карты нет.Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Снежина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Четыре берега привычной жизни 6
Туман, которого не было в прогнозе 10
Полоса суши за линией прибоя 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Мария Снежина
Пятый берег

Пятый берег
Мария Снежина

Четыре берега привычной жизни

В шесть сорок семь чайник щёлкнул, будто поставил точку в первом предложении дня. Лида как раз набирала ответ коллеге, придерживая плечом телефон, а свободной рукой пыталась вытащить из тостера подгоревший край хлеба.

За окном начиналось море. Вода за домами была серой, ровной, как лист неразлинованной бумаги. Над ней медленно поднимался свет, а по набережной уже бежал мужчина в красной шапке — каждый день в одно и то же время, словно его завели вместе с городскими часами.

— Мам, ты не видела мой пропуск? — крикнула из комнаты Маша.

— На комоде.

— Там только твои ключи.

— Тогда в кармане синей куртки.

— Я её вчера не надевала.

Лида отправила сообщение: «Вера, могу закрыть субботнюю смену. Посмотри, пожалуйста, чтобы Свету не ставили одну на заезды». Палец задержался над кнопкой, но не надолго. Вера написала ещё минуту назад: у сотрудницы гостиницы заболел ребёнок, надо срочно найти замену. Суббота у Лиды была выходной. В субботу она собиралась уехать на дальний мыс, где снимала комнату в маленьком гостевом доме. Там был пляж без променада, телефон ловил через раз, а до ближайшего магазина приходилось идти двадцать минут. Она выбрала это место именно за его неудобство.

Телефон зазвонил. Мама.

— Лидочка, ты уже встала?

— Да, мам.

— Я хотела записаться к кардиологу. У них там опять всё через интернет. Ты можешь посмотреть? Мне сказали, что в пятницу мест нет, но я не уверена, правильно ли поняла.

Лида прижала телефон к уху, нашла на столе материнскую медицинскую карту и открыла сайт поликлиники.

— Диктуй фамилию врача. Нет, не ту, другого. Того, к которому ты ходила прошлой весной.

— Весной я ходила к неврологу.

— Тогда к тому, который слушал сердце.

— А, конечно. Он ещё с усами.

Лида усмехнулась. У врача действительно были усы. Это оказалось полезнее, чем фамилия.

Маша появилась на кухне с рюкзаком, одним незастёгнутым ботинком и видом человека, которому мир обязан немедленно выдать пропуск.

— Нашла, — сказала она, показывая пластиковую карточку. — Он был в кармане синей куртки.

Лида посмотрела на неё.

— Я же говорила.

— Да. Но сначала я должна была сама это обнаружить.

— Важный этап взросления.

— Ты издеваешься?

— Немного.

Маша налила себе чай. Лида уже нашла свободное время у кардиолога на четверг и записала маму. Одновременно она отвечала Вере, объясняла дочери, что в школьном чате опять ищут добровольцев на ярмарку, и вспоминала, положила ли в сумку ключи от гостиничного склада.

В этом Лида была хороша. Она умела держать в голове сразу несколько нитей и не путать узлы. В гостинице «Северный маяк» её считали незаменимой: если у гостя не приехал трансфер, у повара закончились поставки, а в номере под номером двадцать один обнаруживался чемодан чужого постояльца, звонили Лиде. Она знала, кого разбудить, где найти запасной ключ и каким голосом произнести «сейчас всё решим», чтобы люди поверили.

Дома тоже умела всё решать. После того как Антона уволили, он уехал к старшему брату в областной центр искать работу. Сначала говорил, что на месяц, потом перестал называть сроки. Лида не считала себя брошенной. Просто в их доме теперь было на одного взрослого меньше и на одно расписание больше. Маша взрослела, но всё ещё нуждалась в матери — как раз в той особенной степени, когда уже может сама выбрать куртку, но не всегда может найти её в собственном шкафу.

— Ты сегодня поздно? — спросила дочь.

— Не знаю. Проверю график.

— У нас после уроков репетиция. Я сама домой.

— Хорошо. Напиши, когда выйдешь.

— Мам, я в десятом классе.

— Я в курсе.

— Тогда зачем писать?

— Чтобы я знала, что ты вышла.

Маша вздохнула, но спорить не стала. Лида открыла блокнот. Он лежал рядом с хлебницей, мягкий, с загнутыми углами. На страницах были списки: купить фильтры для кофемашины, забрать посылку для мамы, проверить смены, напомнить Маше о справке, позвонить электрику. Между двумя задачами Лида записала номер гостевого дома на мысе и дату поездки. Рядом стояла маленькая галочка, поставленная накануне: «Билет куплен».

Она перелистнула страницу и записала время приёма матери. Ниже — «суббота: смена». Потом зачеркнула «уточнить дорогу до гостевого дома». Блокнот был надёжный. Чужие просьбы в нём не терялись.

Её собственных планов почти не было.

В гостинице утро пахло мокрой шерстью пальто, кофе и солью, которую гости приносили на подошвах. За стойкой регистрации спорили о парковке. Вера, увидев Лиду, подняла большой палец.

— Ты меня спасла. В субботу приезжает группа из сорока человек, я уже представила, как заселяю их одна и начинаю разговаривать с чайником.

— Чайник, по крайней мере, не задаёт вопросов о позднем выезде.

— Вот именно. Ты золото.

Лида улыбнулась и открыла таблицу смен. Субботняя работа была ей по силам. Она знала, как распределить людей, подготовить ключи и не допустить, чтобы сорок человек одновременно захотели завтракать в семь пятнадцать. Проблема была не в смене. Проблема была в том, что она согласилась, не успев спросить себя, хочет ли.

Мысль показалась неудобной и потому не задержалась. В день хватало настоящих дел.

В обед Лида позвонила в гостевой дом на мысе. Администратор ответила с первого гудка.

— Это Лида Кравцова. У меня бронь на субботу. Хочу отменить.

— Понимаю. Выезд из-за погоды?

— Нет. Работа.

— Жаль. У нас как раз обещают тихие дни.

За окном гостиницы колыхались флаги. Погода была обычная: ветер, низкое небо, редкие солнечные просветы. Лида попросила вернуть предоплату на карту, записала номер отмены в блокнот и положила трубку.

Сначала она почувствовала облегчение: ещё одним делом меньше. Потом — раздражение на себя за то, что облегчение вообще пришло. И только потом, когда в коридоре хлопнула дверь и где-то за стойкой зазвонил телефон, услышала тихую пустоту, оставшуюся после отмены.

Не горе. Не трагедию. Просто маленькое место, где могло бы быть что-то её.

Вечером Маша попросила купить картон для школьного проекта. Мама написала, что записалась и всё поняла. Вера сообщила, что график готов. Лида дошла домой, разогрела суп и проверила, не забыла ли кто-нибудь оплатить интернет. Никто не забыл. Это было почти разочарованием: иногда забота о других хотя бы приносила повод для героизма.

После ужина Маша ушла к себе заниматься. Лида вымыла чашки и поставила телефон на зарядку. На столе лежал блокнот. Она раскрыла его не на странице со списком, а на чистом развороте.

Сначала написала вверху: «Из чего состоит моя жизнь сейчас».

Под этой строкой провела четыре колонки.

«Работа». «Близкие». «Обязательства». «Я».

Первые три заполнились быстро.

В работе появились смены, заезды, поставки, сообщения Веры и привычное «я всё улажу». В колонке «близкие» Лида написала: Маша, мама, Антон — звонки, поездки, помощь. Она задержала ручку над именем мужа. Не стала добавлять объяснений. Просто вписала его, как вписывают факт, который пока никуда не помещается.

В «обязательствах» появились счета, школьный чат, врач для мамы, покупки, документы. Потом Лида добавила: «не подводить», «не жаловаться», «быть разумной». Последнее слово она обвела. Оно выглядело прилично, почти добродетельно. От разумной женщины не ждут, что она уедет одна на мыс, когда на работе не хватает рук. Разумная женщина не заставляет мать разбираться с сайтом поликлиники. Разумная женщина отвечает на сообщения и помнит, где лежит пропуск.

В последней колонке ручка остановилась.

Лида не знала, что туда написать. Не потому что у неё совсем не было желаний. Скорее, они говорили слишком тихо и всегда уступали место более срочным голосам.

Она посмотрела на страницу. Четыре колонки напоминали карту. Три были прорисованы чётко: по ним она ходила много лет, знала повороты, знала, где поставить подпись и кого предупредить. Четвёртая оставалась почти пустой. А три другие, при всей своей надёжности, занимали весь берег.

Лида провела пальцем по краю листа. Может быть, она не была потеряна. Может быть, просто привыкла жить по карте, на которой для неё самой не оставили места.

Она взяла телефон, открыла список последних сообщений. Вера, мама, школьный чат, курьер, коллега из бухгалтерии. В каждом сообщении было что-то, что требовало от неё ответа. Лида снова закрыла экран.

Потом достала с полки маленький будильник, который давно не заводила. Поставила его на шесть сорок пять. Телефон оставила на кухонном столе, экраном вниз.

В колонке «я» она написала: «Завтра утром пройтись у воды без телефона».

Перечитала. Не «если успею», не «после того как», не «при хорошей погоде». Просто желание. Небольшое, почти смешное своей скромностью. Но оно принадлежало ей.

Рядом с колонкой «обязательства» Лида поставила звёздочку. Не перечёркивание и не обвинение. Только отметку: к этому стоит вернуться. Может быть, не каждое «надо» было чужим. Может быть, некоторые она выбрала сама. Но она давно перестала проверять разницу.

За окном ветер вдруг стих. Лида подошла к стеклу. Городские огни расплывались в необычно плотном тумане, который поднимался от воды и закрывал дальний конец набережной. В тумане горизонт словно придвинулся к домам. На границе видимости темнела узкая полоса, похожая на низкий берег.

Лида постояла, всматриваясь, затем вернулась к столу и закрыла блокнот. Утром она собиралась выйти к воде без телефона. На этот раз она не записала это в список дел. Она записала это в колонку «я».

Туман, которого не было в прогнозе

Будильник сработал в шесть сорок, но Лида проснулась раньше — от тишины.

Обычно утро начиналось с городского шума: первый автобус гремел на перекрёстке, у соседей хлопала дверь, на набережной кричали чайки. Теперь всё это будто отодвинули за толстое стекло. Даже будильник прозвучал не резко, а глухо, словно звонил из соседней комнаты.

Лида села на кровати и посмотрела в окно.

Туман поднялся так высоко, что скрыл дома напротив до третьего этажа. Над крышами оставалась только мутная белизна, а внизу, где должна была проступать вода, лежало плотное серое молоко. Накануне прогноз обещал «местами слабый туман в утренние часы, с постепенным рассеиванием». За окном не было ничего слабого и постепенного. Мир просто закончился в нескольких метрах от стекла.

На кухне Лида открыла приложение погоды. На экране держался прежний прогноз — солнце после девяти, ветер три метра в секунду. Крошечная иконка тумана выглядела почти насмешкой.

Она налила кофе, но пить не стала. На столе лежал закрытый блокнот. Вчера она записала в колонку «я»: выйти утром к воде без телефона. Телефон, однако, отправился в карман пальто. Лида объяснила себе, что он нужен на случай срочного звонка. Она не собиралась смотреть в него по дороге.

Это было похоже на компромисс, который никто не просил заключать.

На улице пахло солью и мокрым камнем. Влага сразу осела на ресницах, волосы у висков прилипли к коже. Лида застегнула пальто под горло и пошла к остановке, стараясь не торопиться. Она дала себе полчаса до работы и хотела пройти часть пути вдоль воды. Не для пользы, не чтобы «начать день правильно». Просто потому, что вчера захотела.

Остановка показалась из тумана внезапно. Под навесом теснились люди, и каждый выглядел так, будто его разбудили раньше времени и забыли объяснить зачем.

На электронном табло автобусы мигали красным: задержка восемь минут, затем двенадцать. Мужчина в спортивной куртке сердито постукивал ногой по бордюру.

— Вчера тоже обещали рассеивание, — сказал он, глядя не на кого-то определённого, а на весь туман сразу. — Сначала снег, потом жара, теперь вот это. Они хоть раз могут угадать?

Женщина рядом убрала телефон в сумку и снова достала.

— Я уже опоздала, — произнесла она. — И даже не знаю, на что именно злиться. На автобус или на погоду.

Лида почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Не громкое, скорее плотное: небольшая тяжесть под рёбрами. Она могла бы вызвать такси, но дороги в тумане наверняка стояли. Могла бы пойти пешком, но тогда опоздала бы сильнее. Могла бы отменить прогулку, которую даже не успела начать, и сразу направиться на работу.

Все варианты казались плохими не потому, что были опасны или невозможны, а потому, что ни один не совпадал с планом.

Автобус пришёл через семнадцать минут. Водитель открыл двери, и пассажиры вошли молча, с выражением людей, вынужденных принимать участие в чужой ошибке. Лида встала у окна. За стеклом проплывали расплывчатые фасады, фонари с размытыми ореолами, силуэты прохожих. Знакомые улицы теряли края. Даже дорожные знаки появлялись поздно, как запоздалые ответы на вопросы, которые никто не задавал.

У перекрёстка автобус остановился дольше обычного. Водитель высунулся в приоткрытую дверь.

— Пешехода пропускаю, — объяснил он кому-то в салоне, хотя пешехода почти не было видно.

В салоне недовольно вздохнули. Лида тоже посмотрела на часы. Ей хотелось написать начальнице, что она задержится, и одновременно не хотелось сообщать о задержке, пока она ещё могла успеть. Она открыла телефон, увидела уведомление с работы и закрыла экран, не читая. Не потому, что решила быть спокойной. Просто заметила: пальцы уже сжались вокруг аппарата, а ответа на вопрос «что делать дальше» там всё равно не было.

На своей остановке она вышла раньше, чем планировала. До офиса оставалось двадцать минут пешком, если идти напрямую. До воды — пять минут, если свернуть через сквер. Туман сделал оба расстояния неопределёнными, но направление она помнила.

В сквере двое пожилых людей складывали в сумку термос и складные палки для ходьбы. Один из них, в шерстяной шапке, держал перед собой листок бумаги.

— Отменили? — спросила его спутница.

— А что тут отменять? — ответил он. — Мы же всё равно не видим дальше фонаря.

— Группа отменена, — сказала она, заметив Лиду. — Мы каждое утро до маяка ходим. Сегодня организатор написал, что не стоит. Видимость никакая.

Её слова прозвучали разумно. Лида кивнула и пошла дальше, к набережной, где проходила её обычная короткая прогулка. Только теперь туман лежал над водой настолько густо, что сама набережная казалась последним доступным участком суши. Перила уходили в белизну и исчезали. Волны не были видны, но Лида слышала их — тихий шорох, шипение, короткий удар о камни.

Знакомая тропа начиналась за скамейками и шла вдоль берега к старой пристани. Лида ходила по ней десятки раз. В ясный день с неё были видны волнорез, маяк и дальний мыс. Сейчас она узнавала путь по отдельным вещам: трещине в асфальте, низкой сосне, ржавой табличке «Осторожно, скользко».

Тропа оборвалась у воды.

Не буквально: асфальт продолжался, но впереди его заслоняла белая стена. Перила заканчивались через несколько шагов, дальше начинались мокрые камни и неизвестность. Лида знала, что дорожка там поворачивает к пристани. Сейчас казалось, что она ведёт прямо в море.

Она остановилась.

Первая мысль была простой: развернуться. Идти на работу, объяснить задержку, забыть про утренний выход. Вторая пришла почти одновременно: подойти ближе и проверить, что там. От этих двух желаний Лида почувствовала себя глупо — будто на кону стояло что-то большое. Она всего лишь стояла у знакомой тропы в густом тумане. Но тело уже приготовилось к спору: плечи поднялись, дыхание стало короче.

Она поставила обе ноги ровно на сухую середину дорожки и дала себе несколько секунд.

Что известно?

Известно, что она находится на набережной, на знакомом маршруте. Под ногами твёрдый асфальт. Перила заканчиваются впереди, а камни у воды мокрые. Туман плотный, видимость маленькая. До работы можно добраться другой дорогой. Автобус задерживается. Никаких сирен, предупреждений или признаков опасности вокруг нет.

Что я додумываю?

Что тропа исчезла. Что если свернуть с плана, весь день пойдёт наперекосяк. Что ей нужно немедленно решить, идти дальше или отказаться. И ещё — что незнакомое обязательно означает опасное. Последняя мысль показалась ей самой убедительной и самой сомнительной одновременно.

Какой безопасный следующий шаг возможен?

Не спускаться на камни. Остаться на дорожке. Дойти до ближайшего фонаря, который она видела у поворота, и оттуда решить, продолжать ли путь к пристани. Если видимость станет хуже или появится препятствие, вернуться.

Ответ не решил за неё всё утро. Он только вернул его в человеческий размер.

Лида написала начальнице: «Туман задержал транспорт. Буду примерно на десять минут позже». Сообщение отправилось сразу. Ничего не рухнуло. Она убрала телефон обратно в карман и пошла к фонарю, не ускоряясь.

Через несколько шагов запах соли стал сильнее. Ветер, которого почти не ощущалось на остановке, пробежал по набережной и принёс с воды холодную сырость. Туман шевелился медленно, без резких просветов. Он не расходился, а словно переставлял свои слои, то приближая, то отдаляя знакомые предметы.

У фонаря Лида остановилась. Она могла повернуть к центральной улице и выйти к офису с опозданием, но без дальнейших сюрпризов. Или продолжить до пристани. Отсюда было слышно, что там работает двигатель, а значит, кто-то уже на месте. Это было не доказательством безопасности, но ориентиром. Достаточным для ещё одного небольшого шага.

Она пошла дальше.

Набережная сузилась. Слева тянулись скамейки, мокрые и пустые. Справа за перилами должна была быть вода, но граница между небом и морем исчезла. На повороте Лида заметила, что привычный ритм звуков тоже изменился. Волны слышались близко, а гудок буксира прозвучал откуда-то сверху, словно судно проходило не в заливе, а по воздуху.

У самого поворота она увидела человека в оранжевом жилете. Он стоял у щита с расписанием прогулочных катеров и вытирал рукавом запотевшее стекло. Лида узнала смотрителя пристани, Михаила Петровича. Обычно он разговаривал со всеми, кто задерживался у воды, будто считал молчание нарушением местного порядка.

— Сегодня катера не ходят, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Не видно ни причального столба, ни носа собственного судна.

— Это туман не по прогнозу? — спросила Лида.

Он усмехнулся, но весело ему не было.

— Я прогноз утром проверил. И портовое сообщение. Ни предупреждения, ни записи о таком тумане. Было обещано легкое рассеивание. Как видите, обещание не выполнилось.

— А здесь всегда так резко?

— Нет. Обычно он приходит с моря постепенно. Можно заметить, откуда идёт. Этот будто сразу на всё сел.

Лида посмотрела туда, где должна была начинаться пристань. Видела только ближайшую секцию ограждения. За ней белизна становилась почти светящейся.

— Вы давно здесь работаете?

— Двадцать шесть лет. — Михаил Петрович поднял воротник. — Всякое видел. Но не такое.

Он произнёс это спокойно, без попытки сделать из фразы загадку. Потом отвернулся и стал проверять узлы на швартовом канате. Лида тоже уже собиралась идти, когда за туманом что-то изменилось.

Сначала ей показалось, что белая стена стала темнее. Потом в сером пространстве возникла тонкая горизонтальная черта. Не линия берега, скорее его обещание: низкая полоса, почти сливающаяся с водой, но слишком ровная, чтобы быть волной. Она тянулась за линией прибоя, там, где на обычной карте залива должна была лежать открытая вода.

Лида повернулась к смотрителю.

— Вы видите?

Михаил Петрович проследил за её взглядом. На несколько секунд он ничего не сказал. Затем медленно положил ладонь на ограждение.

— Где это?

Она указала. Черта стала яснее. Вдоль неё проступили тёмные неровности, похожие на низкие кусты или выступы камня. Между берегом и полосой суши мерцала узкая светлая полоса воды.

Лида знала этот участок побережья. Знала его с детства: серый залив, мыс, который терялся за портовыми кранами, фарватер и открытая вода. На всех картах, которые она видела, за линией прибоя ничего не было.

Она почувствовала, как снова напряглись плечи. Но теперь рядом с тревогой появилось другое чувство, тихое и почти неудобное: любопытство.

— Может, это отмель? — сказала она.

— Может, — ответил смотритель. — Только я этой отмели не знаю.

Он достал из кармана небольшой бинокль и поднял к глазам. Лида не стала просить его. Он опустил прибор почти сразу.

— Сквозь туман не разобрать.

— А на картах?

— На карте там вода.

Его ответ не был объяснением. Он не делал увиденное менее странным и не превращал его в доказательство. Это была просто ещё одна точка, на которую можно было опереться: карта показывает воду; глаза видят полосу суши; объяснения пока нет.

Они стояли у ограждения и смотрели. Ветер стих. Где-то под пристанью глухо стукнула лодка о борт. Полоса за прибоем проявилась отчётливее, чем прежде. Лида различила неровный край и тёмное пятно ближе к середине. Не дом и не дерево, только форма, которую память уже пыталась назвать.

Ей захотелось спуститься к воде, чтобы проверить расстояние. Желание было почти физическим: сделать шаг за ограждение, оказаться ближе, убедиться. Но под ногами лежала мокрая доска, а берег ниже скрывался в тумане. Она не знала, где кончается пристань и начинается каменная насыпь. Знать, что не знаешь, оказалось полезнее, чем притвориться смелой.

— Я бы сейчас не спускался, — сказал Михаил Петрович. — Не видно края. Если это отмель, прилив всё равно делает её ненадёжной.

Лида кивнула. Не потому, что он запретил, а потому, что его слова совпали с фактами. Можно было стоять здесь. Можно было смотреть с безопасного места. Для следующего шага не требовалось рисковать ногами.

Туман чуть сгустился. Линия суши побледнела, но не исчезла. Через минуту она снова проступила — тонкая, мокрая, неправдоподобно близкая. На мгновение Лида увидела отдельные тёмные точки вдоль края. Птицы? Камни? Кусты? Она не смогла решить.

— Вчера этого не было, — сказала она.

— Вчера там была вода, — ответил Михаил Петрович.

Он произнёс фразу так, как говорят о чём-то проверенном и потому не требующем украшений.

Лида вынула телефон. Вчера она собиралась утром обойтись без него. Она не хотела превращать прогулку в ещё один способ отчитаться перед кем-то, не хотела измерять шаги и проверять сообщения. Но сейчас телефон казался не поводком, а инструментом. Она открыла камеру и навела её туда, где проступала суша.

На экране было только белое поле, тёмный край ограждения и размытый огонёк фонаря. Лида опустила телефон. Полоса оставалась на месте.

Она коснулась экрана, выбрала фокус и попробовала ещё раз. Камера долго искала резкость, будто ей тоже требовалось решить, что именно она видит. Изображение дрогнуло. Туман заполнил кадр.

Лида подняла глаза. Земля всё ещё проступала за прибойной линией. Низкая, незнакомая, словно на короткое время возникшая из воды. Она нажала на кнопку.

На снимке остался только туман. Молочно-серый, без края, без полосы, без доказательства.

Лида не стала удалять фотографию и не стала делать ещё десять. Она убрала телефон в карман, оставив изображение таким, каким оно получилось. За спиной город постепенно возвращал себе звуки: где-то проехал автобус, на соседней улице сигналил автомобиль. У пристани мир оставался укороченным до нескольких шагов.

Она посмотрела на смотрителя.

— Я опоздаю на работу.

— Похоже, — сказал он.

Лида усмехнулась. В этом «похоже» не было ни упрёка, ни утешения. Просто факт, рядом с которым можно было выбрать, что делать дальше. Она решила идти к центральной улице и не пытаться сегодня разгадать всю полосу суши. До работы оставалось добраться; туман не требовал от неё большего решения.

На повороте она обернулась. Михаил Петрович всё ещё стоял у ограждения. Белизна за пристанью снова сомкнулась, но теперь Лида знала: иногда отсутствие изображения не означает, что там ничего нет.

Она продолжила путь, ориентируясь на ближайший фонарь.

Полоса суши за линией прибоя

До центральной улицы Лида дошла, ориентируясь на фонари, и всё-таки опоздала на работу почти на час. Дорога от пристани казалась короче, чем обычно: туман отступал за спиной, город снова обрастал домами, вывесками, голосами, а вместе с ними возвращалась необходимость отвечать на вопросы.

— Что случилось? — спросила коллега, когда Лида вошла.

— На пристани туман, — ответила она и сама услышала, как это звучит.

Она не стала добавлять про сушу. Не потому, что решила молчать, а потому, что не нашла слов, которые не превратили бы увиденное либо в нелепость, либо в сенсацию. В течение дня она несколько раз открывала фотографию. На снимке была ровная белёсая пелена, край ограждения и размытая точка фонаря. Ни камней, ни гряды, ни даже намёка на то, что вода за линией прибоя уступила место земле.

Лида приблизила изображение, будто нужное можно было обнаружить, если увеличить его достаточно сильно. Пиксели расползались, туман становился зернистым, а доказательством не появлялось ничего.

К вечеру она решила, что вернётся на пристань, проверит камеру и уйдёт. Только это. Не будет искать загадочные берега и выяснять, что они означают. Просто сделает ещё один снимок в ясную погоду, чтобы убедиться: вчерашняя фотография не испорчена настройками.

В тот вечер туман не пришёл. Море было открытым, ветер дул с юго-запада, а вода билась о сваи привычно и сердито. За волнорезом лежала пустая полоса воды. Лида постояла у ограждения, сверила изображение с тем, что видела вокруг, сделала несколько фотографий и вернулась домой.

На следующий день у неё не нашлось причины идти к морю. На третий — тоже. Она заняла себя делами, которые не требовали объяснений: разобрала почту, купила продукты, ответила на сообщения. И всё же, когда к вечеру с залива потянуло влажным холодом, она заметила это раньше, чем увидела затягивающуюся улицу белизну.

Туман лёг низко, снаружи внутрь, будто кто-то медленно закрывал ладонью город.

Лида сказала себе, что проверит камеру. Один снимок. Если окажется, что вчерашняя видимость была игрой света, она пойдёт домой.

У пристани пахло мокрой древесиной и водорослями. Фонари не освещали пространство, а лишь обозначали его границы: жёлтые круги расплывались в тумане на расстоянии нескольких шагов. Лида остановилась у того же ограждения. Перед ней шумела вода, за ней ничего не было видно.

Она включила камеру телефона. Экран показал серую полосу прибоя и тёмный силуэт ближней сваи. Лида уже опустила руку, когда за шумом воды различила другой звук — короткий, сухой удар, словно камень сдвинулся под волной.

Она подняла голову.

Сначала показалось, что это просто тёмный участок тумана. Потом он отделился от белизны. Низкая полоса лежала дальше линии прибоя, почти на уровне воды. В ней не было ничего необычного: мокрые камни, прижатые друг к другу, несколько выступавших из воды округлых валунов. За ними поднималась узкая гряда. Она уходила в туман и исчезала прежде, чем Лида могла понять, куда именно.

Вода между берегом и полосой казалась темнее и спокойнее, чем вокруг. Волны добегали до видимых камней, разбивались о них и расходились по сторонам. Лида видела движение, слышала всплески, различала влажный блеск на поверхности валунов. Это не было похоже на облако или отражение: отдельные камни сохраняли форму, пока туман не стирал дальний край.

Она посмотрела на экран. Камера пыталась сфокусироваться на ближней свае. Лида не стала заставлять её немедленно вынести вердикт. Сделала снимок, затем ещё один, не меняя места, и включила заметки.

Первое, что она написала, было: «Появилась новая суша».

Она перечитала строку и стёрла последние два слова. Они уже объясняли больше, чем она могла знать.

Вместо этого записала: «Видна тёмная полоса за линией прибоя. На видимой части различимы мокрые камни и узкая гряда, уходящая в туман».

Потом добавила время — 19:42, температуру, если верить приложению, около девяти градусов, ветер с северо-запада, туман плотный, слабое волнение. Направление отметила по компасу телефона: примерно на северо-восток от конца пристани. Записала, что рядом с грядой дважды слышала короткий удар камня о камень, хотя не могла исключить, что звук шёл от волнореза.

Отдельной строкой вывела: «Что пока неизвестно: длина полосы, расстояние до неё, есть ли она под водой сейчас, совпадает ли положение с мелководьем на карте».

Карта. Она достала из сумки сложенную распечатку береговой линии, которую держала там после поездки на другой конец залива. На ней за волнорезом был отмечен фарватер и участок с переменной глубиной. Ни острова, ни отмели, ни гряды.

Лида посмотрела на карту, затем на туман. Ей захотелось решить, что бумага ошибается. И сразу же — что ошибается она сама. Оба вывода были удобными: один избавлял от необходимости сомневаться в себе, другой позволял вообще ничего не предпринимать.

— Вы опять смотрите туда?

Голос прозвучал сбоку. Лида обернулась. По дорожке от маяка шёл мужчина в тёмной куртке, не спеша, короткими шагами. В одной руке он держал фонарь, в другой — связку ключей.

— Я там вчера что-то видела, — сказала Лида. — Сегодня, кажется, снова.

— Кажется, — повторил мужчина, без насмешки.

Он представился Марком, смотрителем маяка. Лида вспомнила Михаила Петровича, стоявшего у ограждения в прошлый раз. Марк объяснил, что тот смотрит за пристанью, а маяк и старый дом при нём — его участок.

— Вы знаете, что там? — спросила Лида.

Марк посмотрел в сторону тумана. Он не стал щуриться, не приложил ладонь ко лбу и не произнёс ничего загадочного. Просто постоял, слушая море.

— Сейчас вижу то, что вижу вы, — сказал он. — Камни. Или то, что издалека похоже на камни.

Лида протянула ему телефон с заметками.

— Я пытаюсь записать без догадок.

— Хорошая попытка, — сказал Марк. — Записи лучше всего получаются, когда человек помнит, чего не знает.

Он не предложил ей пройти к маяку и не стал расспрашивать, что именно она чувствует. Лида заметила, что его спокойствие не было уверенностью. Скорее, привычкой не добавлять к непонятному лишних слов.

Ветер переменился. Туман сдвинулся, на несколько секунд разрезавшись узкой полосой. Дальняя гряда стала виднее: неровная, с одним более высоким выступом посередине. Потом белизна снова сомкнулась. Лида успела сделать снимок, но на экране осталась только светлая полоса и несколько тёмных пятен.

— Вы часто это видели? — спросила она.

— Достаточно часто, чтобы не считать каждое появление случайной ошибкой зрения. Недостаточно часто, чтобы что-то утверждать.

Марк предложил показать ей журналы. Они поднялись к маяку. В комнате пахло пылью, керосином и бумагой. На столе лежали свежие записи о погоде, а на полках теснились толстые тетради с выцветшими обложками. Марк достал одну, потом другую.

В официальных журналах отмечались ветер, видимость, состояние фонаря, сообщения с берега. Лида листала аккуратно, задерживаясь на датах туманов. Почерк менялся, но записи оставались сухими: «Ветер западный, умеренный. Видимость меньше мили». «Туман с 18:10. Сигнал исправен». Ни слова о полосе камней.

— Значит, ничего? — спросила Лида.

— Значит, в этих журналах ничего, — ответил Марк. — Они не для того, чтобы записывать всё, что показалось странным.

Он открыл ящик и достал тонкую тетрадь в мягкой обложке. На первых страницах стояла подпись его деда, служившего здесь много лет назад. Почерк был неровный, чернила местами выцвели.

В одной записи, сделанной в октябре, Лида прочла: «В тумане за внешним прибоем видна сухая кромка. С берега не подходить, видимость слабая». В следующей строке шла пометка о смене ветра. На другой странице кто-то написал карандашом: «Отец называл это пятым берегом».

Лида посмотрела на Марка.

— Вы знали?

— Знал, что в семье так говорили. В детстве слышал от отца, потом нашёл эти записи. Каждый рассказывал по-своему. Один видел камни. Другой слышал, как по ним идёт вода, хотя не мог понять, откуда. Дед, судя по этой строке, видел сухую кромку.

— Вы сами там были?

— Нет.

Он произнёс это без сожаления и без гордости.

— Почему?

Марк перевернул страницу, хотя нужная запись уже закончилась.

— Потому что не знал, куда идти. И потому что туман — плохое место для проверки смелости. Увидеть берег и суметь до него добраться — разные вещи.

Лида подумала, как легко было бы услышать в этих словах запрет или, наоборот, приглашение. Но Марк не вкладывал в них ни того ни другого. Он говорил о простом различии, которое она сама не раз стирала: видеть не значит понимать, а понимать не всегда значит действовать.

Внизу, у пристани, она спросила Михаила Петровича, замечал ли он что-нибудь за линией прибоя. Тот выслушал вопрос, поправил воротник и сказал, что в тумане море иногда «переставляет расстояния». Однажды, по его словам, он слышал гудок со стороны, где нет ни судового хода, ни причала. Он не утверждал, что видел землю. И не отказывался от возможности, что звук отразился от скал.

Лида записала его слова в отдельную часть заметок: «Со слов Михаила Петровича, смотрителя пристани: в тумане слышал гудок с необычного направления. Полосу суши не подтверждает». Так свидетельство не смешивалось с тем, что она видела сама.

Дома Лида переписала записи на бумагу. Разделила страницу на четыре части: дата и условия; что наблюдала лично; что услышала от других; что пока нельзя заключить. В первом разделе указала время, направление ветра, состояние моря и расстояние до ближайшей сваи. Во втором — тёмную полосу за прибоем, мокрые камни, гряду, исчезающую в тумане. В третьем — запись деда Марка и слова Михаила Петровича. В четвёртом оставила пустые строки.

Пустота раздражала. Её хотелось заполнить хотя бы одной аккуратной версией: отмель, необычное преломление света, неизвестный участок суши. Но каждая версия требовала новых данных. Ни одна не становилась фактом оттого, что хорошо помещалась в строке.

Лида впервые заметила, как часто ждёт чужого разрешения считать собственное наблюдение настоящим. Чтобы доверять тому, что увидела, ей требовалось подтверждение, печать, отметка на карте или чужой голос, произнесённый уверенно. Если подтверждения не было, она склонялась к мысли, что ошиблась. Если кто-то говорил то же самое, ей становилось легче, но не обязательно яснее.

Запись не решала загадку. Она делала другое: возвращала увиденному точные границы. Лида могла сказать: «Я видела тёмную полосу, камни и гряду». Она пока не могла сказать: «Я знаю, что это такое». Между этими фразами помещалось не сомнение в себе, а место для следующего наблюдения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.